

В. В. ТИХОНОВ

«ТУТ ЯВНО СКВОЗИТ ДУХ ОБЪЕКТИВИЗМА...» СОЗДАНИЕ «ОЧЕРКОВ ПО ИСТОРИИ БАШКИРИИ»*

Статья посвящена истории написания «Очерков по истории Башкирии» в 1940-е начале 50-х гг. На архивных документах рассматривается процесс ее создания, выявляются причины, по которым книга так и не была опубликована. Показано, что идеологические кампании и дискуссии послевоенного времени оказали определяющее влияние на содержание книги.

Ключевые слова: «Очерки по истории Башкирии», советская историография, идеологические кампании, национальная политика.

Разработка истории народов СССР была заявлена советской властью как одна из центральных задач советских историков. Партия, руководившая многонациональной страной, где межэтнические отношения в условиях радикальных социальных преобразований 1930-х гг. приобретали особую остроту, требовала создания политически верных текстов, которые отвечали бы быстро меняющемуся идеологическому контексту.

В 1920-е гг. описание истории нерусских народов строилось по незатейливой схеме: национальная политика Российской империи – априорное зло, а любые выступления «националов» против царского режима – борьба с колониализмом, которую необходимо оценивать исключительно положительно. В 1930-е гг. происходит постепенный отказ от такой точки зрения¹. Так, во время конкурса на новый учебник жюри в составе И.В. Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова в оценке присоединения к России национальных окраин ввело в историко-идеологический дискурс формулу «наименьшего зла», по которой вхождение в состав России Украины и Грузии было меньшим злом, чем если бы они оказались под властью Польши или Турции². Данная идея заставила историков по-новому рассмотреть историю национальных окраин. В таких условиях развернулось написание обобщающих трудов по истории национальных республик, задачей которых было стать основой для конкретно-исторической разработки специалистами отдельных сюжетов и ориентиром в преподавании местной истории в вузах и школах. Среди многочисленных проектов, запущенных в конце 1930-х гг., были и «Очерки по истории Башкирии».

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (проект № МК–2627.2013.6)

¹ Подробнее см.: Мартин. 2011.

² Постановление жюри Правительственной комиссии... 1946. С. 37.

Для написания книги был создан авторский коллектив под руководством Ш.И. Типиева. Авторы подбирались из разных научных центров: Москвы, Ленинграда, Уфы. Основным учреждением, выполняющим функцию координации и контроля, стал Институт истории АН СССР. Параллельно с написанием текста шло издание «Материалов по истории Башкирии», которые готовил Р.М. Раимов³. Книга была написана еще до войны, а уже после возвращения Института из эвакуации текст был набран, сверстан и представлен в аппарат ЦК ВКП (б) на экспертизу⁴.

Такая предосторожность была не случайной. Помимо важности и идеологической заостренности самой темы приходилось держать в уме и разворачивающиеся события, связанные с «Историей Казахской ССР», вышедшей под редакцией А.М. Панкратовой в 1943 г. Авторы этой книги, во многом следуя сложившемуся историографическому канону, показали, что антицаристские выступления казахов носили прогрессивный характер и являлись зримым примером борьбы с колониализмом. Книга даже была выдвинута на Сталинскую премию⁵. Но идеологический поворот, связанный с пропагандой дружбы народов, строящих коммунизм и сражающихся против фашизма во главе с «великим русским народом», сделал такие утверждения неуместными и даже политически вредными. Книга была подвергнута критическому обсуждению на совещании историков в ЦК ВКП (б) весной-летом 1944 года.

Конечно же, авторы «Очерков по истории Башкирии», имея перед глазами печальный пример, решили не рисковать. И не зря. Работники аппарата ЦК обнаружили в тексте серьезные ошибки, связанные с нарушением новых идеологических ориентиров в освещении истории нерусских народов. Вышло специальное постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в башкирской партийной организации». По мнению идеологов, авторы идеализировали историю башкир до их присоединения к России: «В подготовленных к печати “Очерках по истории Башкирии”, в литературных произведениях “Идукай и Мурадым”, “Эпос о богатырях” не проводится разграничения между подлинными национально-освободительными движениями башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на соседние народы, недостаточно показывается угнетение трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализируются

³ В Отдел экономических и исторических наук и вузов КПСС. О работе над «Очерками по истории Башкирии» // НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.

⁴ Там же. Д. 776. Л. 19.

⁵ Архив РАН. Ф. 1577 (Институт истории АН СССР). Оп. 2. Ед.хр. 83. Л. 1.

патриархально-феодалное прошлое башкир». Правда, в других произведениях ошибки оказались еще страшнее: «В пьесе “Кахым-Туря” извращается история участия башкир в Отечественной войне 1812 года, противопоставляются друг другу русские и башкирские воины...»⁶.

Итоговое требование было следующим: «Считать важной задачей научных работников и писателей Башкирии создание произведений, правдиво отображающих историю башкирского народа, его лучшие национальные традиции, совместную с русским народом борьбу против царизма и иноземных поработителей, достижения башкирского народа за годы советской власти...»⁷. Попутно заметим, что появление данного постановления не было единичным примером: несколько ранее появилось схожее по Татарстану. От историков требовалась радикальная ревизия концепций национальных историй.

Дальнейшую переработку книги поручили Башкирскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории им. М. Гафури, работавшему при Совнарком Башкирской АССР. За Институтом истории АН СССР оставили координирующую роль и помощь в написании текстов и их обсуждении. Для этого 14 июня 1945 г. была сформирована специальная комиссия по оказанию помощи в составе: специалиста по истории Кавказа В.И. Лебедева, ставшего председателем; Н.В. Устюгова, занимавшегося тогда исследованием Башкирских восстаний XVII и XVIII в.; Р.М. Раимова, докторанта Института и специалиста по новейшей истории Башкирии. В марте 1946 г. в состав комиссии вошли А.П. Кучкин, специалист по истории Казахстана, и Ш.И. Типеев. В силу нехватки кадров к работе были привлечены молодые историки: Г.Е. Грюндберг, Е.И. Каменцева, Ю.А. Красовский, А.П. Николаенко и др. В феврале 1946 года было созвано специальное совещание авторов. На нем критически был рассмотрен старый текст и намечен план переработки⁸. Функции были распределены следующим образом: «Разделы, посвященные общей истории Башкирии, перерабатывались в Москве под общим руководством Башкирской комиссии Института истории АН СССР, разделы по истории культуры Башкирии перерабатывались в Уфе под общим руководством Дирекции Башкирского института»⁹.

В июле 1947 г. в Уфе прошла научная сессия, посвященная истории Башкирии, на которой историки продемонстрировали понимание новых

⁶ О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации // Пропаганда и агитация... 1947. С. 480.

⁷ Там же. С. 481–482.

⁸ НА ИРИ РАН. Оп. 1. Д. 776. Л. 20.

⁹ Там же. Л. 21.

идеологических ориентиров. Ключевую роль играл доклад директора Башкирского научно-исследовательского института А.Н. Усманова. В духе яфетической теории Н.Я. Марра в нем подчеркивалось, что в этногенезе башкир приняли участие не только тюркские и угро-финские племена, но и «древнейшие племенные объединения, населявшие Башкирию и находившиеся на яфетической стадии развития», что к XV–XVI вв. «Башкирия представляла собой уже типичную феодально-раздробленную кочевую страну, разделенную на феодальные владения, с собственной феодальной знатью»¹⁰. Особый акцент делался на «добровольном» присоединении к Московскому государству. Докладчик подверг критике мнение тех историков, которые говорили о русском завоевании Башкирии, он обосновывал положительное влияние на экономику и культуру башкир их присоединения к Москве¹¹.

Не менее важны и показательны доклады московского историка Н.В. Устюгова, крупнейшего специалиста по отечественной истории XVII в. Всего им было сделано два доклада: один был посвящен башкирскому восстанию 1662–64 гг., второй – восстанию 1737–39 гг. Новым в них стало признание того, что в восстаниях были как прогрессивные, так и реакционные стороны. Так, борьба против гнета московского правительства – прогрессивная черта, а отказ от московского подданства являлся «шагом назад и в экономическом, и в политическом, и культурном отношениях»¹², поскольку отторгал башкирский народ от русского.

В выступлении Устюгова заметно, что советская историография все еще находилась на перепутье: отказа от концепции антиколониальной борьбы против царского правительства еще не произошло, но присоединение к России уже признавалось безусловно прогрессивным. Любопытно отметить и тот факт, что все еще находились историки, которые продолжали придерживаться того мнения, что восстания – абсолютно прогрессивные явления. Такую позицию занял П.Ф. Ищериков¹³, жестко раскритикованный другими выступавшими. Более того, очевидно, что в опубликованном отчете не нашлось места выступлениям сторонников Ищерикова, которых было немало, поскольку впоследствии Устюгов признался в 1952 г.: «...Многие товарищи, в особенности в Уфе, подчеркивали безусловную прогрессивность этих движений и закрывали глаза на реакционные моменты в башкирских восстаниях»¹⁴.

¹⁰ Гузаирова. 1947. № 11. С. 141.

¹¹ Там же. С. 142.

¹² Там же.

¹³ О нем см.: Нигматуллина. 2012. № 2. С. 179–182.

¹⁴ НА ИРИ РАН Ф. 1. Оп. 1. Д. 800. Л. 8.

Сессия, без сомнения, подстегнула написание очерков. Продолжилась работа над главами и публикация отдельных документов. Разделы и главы, по мере их написания, рецензировались членами Башкирской комиссии и обсуждались на заседаниях, после чего поступали на доработку авторам. К 1949 г. значительная часть очерков были написаны. Тем не менее, трудности вызвали разделы, посвященные XIX веку. Главы, написанные С.Н. Нигматуллиним и Ш.И. Типеевым, были признаны неудовлетворительными. Судя по всему, столкновения вновь произошли из-за оценки политики царского правительства. Неясно было, в какой мере ее нужно считать прогрессивной, а в какой реакционной.

Было принято решение отредактировать имеющиеся статьи и выпустить первую часть очерков. Для этого создали редакционную коллегию первого тома в составе: В.И. Лебедев (отв. редактор), А.П. Смирнов, А.Н. Усманов и Н.В. Устюгов¹⁵. Впрочем, обстановка не способствовала работе: в стране проходила кампания по борьбе с «безродным космополитизмом», менялись сложившиеся исторические представления. Тем не менее, был собран материал объемом 30 а.л. В феврале 1950 г. в Уфе прошло обсуждение первого тома, книга была одобрена. Были получены положительные отзывы А.А. Новосельского и Л.В. Черепнина. Но очередной идеологический поворот вновь спутал все карты.

В 1950 г. прошла дискуссия, в ходе которой было разгромлено учение Марра о языках и генезисе этносов. Учитывая то, что авторы очерков в описании древнейших периодов башкирской истории опирались именно на учение Марра, пришлось переписывать эти страницы. Кроме того, в журнале «Большевик» вышла статья близкого к Л.П. Берии Д.М. Багирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля», в которой антирусское движение Шамиля оценивалось как реакционное¹⁶. Было очевидно, что появление этой публикации носит директивный характер и является ориентиром в пересмотре всей истории взаимоотношения между Россией и нерусскими национальностями. От предшествующих непоследовательных оценок требовалось отказаться. Редакция очерков обратилась в Дирекцию Института истории АН СССР с просьбой «возвратить ей текст Очерков для нового пересмотра и уточнения вопроса о башкирских восстаниях»¹⁷. Итак, именно оценка восстаний стала очередным камнем преткновения. Разные позиции оказались у московских и уфим-

¹⁵ НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 776. Л. 22.

¹⁶ Багиров. 1950. № 13.

¹⁷ НА ИРИ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 776. Л. 23.

ских авторов. Показательным является совместное обсуждение, состоявшееся 19 апреля 1952 г. в московском Институте истории.

На нем председательствовал Л.В. Черепнин. В качестве основного докладчика выступил В.И. Лебедев. Он кратко осветил историю создания очерков, подчеркнув, что главная трудность на очередном этапе создания книги заключается в описании башкирских восстаний. Докладчик указывал: «Несколько сложнее дело обстоит с оценкой башкирских восстаний в III и IV главах: восстание 1662–64 гг., Сейтовское восстание, восстание Алдар-Кусюма, Карасакала и восстание Батырши. Несмотря на большую убедительность конкретного материала в главах, посвященных этим восстаниям, не мобилизован еще достаточный материал, показывающий прогрессивное значение выступлений народных масс. Приводятся материалы, относящиеся к башкирским феодалам, которые стремились выйти из подданства России, имели связи с соседними народами, в частности, эти восстания шли из Крыма и из Турции и преследовали цель отторжения от России... Нужно показать, что в этих восстаниях были и некоторые черты прогрессивности народных масс в их борьбе против русских помещиков, а также против своих местных угнетателей-феодалов, тарханов. Последний материал об участии народных масс недостаточно у нас мобилизован...»¹⁸. Таким образом, автор все еще признавал концепцию переплетения в восстаниях прогрессивных и реакционных черт.

Следом выступил Н.В. Устюгов. Он кратко обозначил суть возникших разногласий между московскими и башкирскими историками. Так, в вопросе о характере зависимости башкир от Москвы сотрудники московского Института истории настаивали на вассалитете, то башкирские коллеги максимум на что соглашались – это признание зависимости в форме «свободного вассалитета», когда вассал может разорвать свои зависимые отношения¹⁹. Многие историки вообще считали, что вопрос подданства необходимо решать не через призму вопроса о вассалитете, а сделать акцент на то, что «характер башкирского подданства нужно рисовать так, что вот башкиры оценили преимущества централизованного государства и добровольно пошли к нему в подданство и, так сказать, старались войти как полноправные члены и целиком слиться с Россией». При этом докладчик язвительно заметил: «Но какими материалами это можно было бы аргументировать – товарищи не указали»²⁰. Коснулся Устюгов и вопроса о башкирских восстаниях. Он напомнил: «Мы пытались встать на точку зрения, чтобы расценить эти восстания как движе-

¹⁸ Там же. Д. 800. Л. 3–4.

¹⁹ Там же. Л. 5.

²⁰ Там же. Л. 3.

ния феодальные, как движения антирусские. Конкретных материалов на эту тему сколько угодно. Следовательно, это движения, где реакционная сторона преобладала...»²¹. Но многие башкирские историки встретили в штыхы такой подход. С ними частично солидизировался В.И. Лебедев, продолжавший отмечать прогрессивную сторону восстаний. По мнению самого Устюгова, прогрессивные черты можно обнаружить только в XVIII в., с восстания 1747 г. Докладчик вынужден был признать: «Таким образом, вопрос об оценке башкирских восстаний продолжает оставаться спорным, он остается спорным даже внутри самой редакции»²².

Следом выступил директор Института Истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР М.Я. Янгиров. Он указал, что книга требует дальнейшей переработки с учетом публикаций И.В. Сталина по вопросам языкознания. Кроме того, в разделе, посвященном истории башкир под властью Золотой Орды, необходимо показать реакционную сущность татаро-монгольского ига. Страшным упущением является то, что «не показана борьба башкирского народа против этих завоевателей, не подчеркнута ведущая роль русского народа в разгроме татаро-монгольского ига...». М.Я. Янгиров напомнил и об идеологической важности оценки башкирского эпоса «Идукай и Мырадым»: «...Авторы ограничились только констатацией этого эпоса. Между тем, всем известно, что в свое время ЦК партии справедливо и резко осудил ошибки некоторых писателей и историков Татарии, которые идеализировали буржуазный эпос и патриархально-буржуазное прошлое. Уже это одно обязывало авторов и редакторов тома дать исчерпывающую политическую оценку этому эпосу, что усилило бы воспитательное значение нашей работы»²³. Выступил он и против теории «свободного вассалитета»: «Эта теория дает неправильное представление широкому читателю о расстановке классовых сил внутри башкирской общины..., наводит тень на прогрессивный характер присоединения башкир к русскому государству»²⁴. В духе борьбы с буржуазным объективизмом выступавший заявил: «Авторы в плену архивных документов, вместо того, чтобы по партийному критически на основе марксистско-ленинской методологии подходить к оценке этих документов. Тут явно сквозит дух объективизма, который веет аполитичным подходом...»²⁵.

²¹ Там же. Л. 8.

²² Там же. Л. 9.

²³ Там же. Л. 28 – Л. 28 об.

²⁴ Там же. Л. 29.

²⁵ Там же. Л. 29–29 об.

Почему же концепция «свободного вассалитета» не устраивала? Ответ находим ниже: «Присоединение башкир к русскому государству имело, как известно, глубоко прогрессивное значение. Об этом правильно указывается в “Очерках”, но это получается несколько декларативно... Здесь не показывается истоки складывающейся дружбы башкирского народа с великим русским народом. А теория свободного вассалитета не помогает раскрытию процесса складывания этой дружбы (участие башкирских полков в иноземных походах, в ополчениях Минина и Пожарского...). Вместо этого том пестрит примерами борьбы башкир против русских. Свободный вассалитет служит оправданием политической борьбы башкирских феодалов против русского государства...»²⁶. Таким образом, задача авторов заключалась во всяческом подчеркивании связи русского и башкирского народов, а теория «свободного вассалитета» этому только мешала. Янгиров остановился и на необходимости описания реакционности ислама и мусульманского духовенства. Но, также как и предыдущие выступавшие, коснулся он и царской политики, назвав ее колониальной и потребовав, чтобы авторы не мазали ее розовой краской²⁷.

Итак, совещание вновь не показало единства мнений среди историков. Складывается устойчивое ощущение, что новые идеологические ориентиры понимались по-разному, либо вообще не понимались. Работа авторского коллектива проходила на фоне постоянных разногласий и страха сделать фатальную ошибку.

После этого обсуждения рукопись вновь была направлена на переработку. Два исследовательских центра (Москва и Уфа) постоянно перенаправляли друг другу многострадальный текст, раз за разом находя многочисленные ошибки и несоответствия текущей политике на «историческом фронте». Наконец, в ноябре 1952 года Дирекция Института истории АН СССР окончательно отказалась от подготовки очерков, гриф института был снят. Теперь это издание должно было стать головной болью только Башкирского филиала АН. За собой Институт истории оставил только консультирование²⁸.

«Очерки по истории Башкирии» так и не увидели света в том виде, в котором они были подготовлены в 1940-е – начале 1950-х годов. Смерть Сталина и очередная скорая смена идеологических координат потребовали иначе взглянуть на тему. В истории с изданием очерков,

²⁶ Там же. Л. 30 об.

²⁷ Там же. Л. 34.

²⁸ Там же. Д. 776. Л. 24.

помимо самого сюжета, наглядно показывающего «кухню» создания обобщающих трудов в годы «позднего сталинизма», нам важно подчеркнуть, что идеологические директивы носили неопределенный характер, позволяя историкам по-разному рассматривать те или иные острые вопросы. Современный исследователь А.Л. Юрганов назвал это «метафизикой» сталинизма: «Метафизика обладает одним универсальным свойством: она никогда не позволяет узнать истину до конца, но допускает бесконечное приближение к ней, и на пути этого приближения всегда остается неопределенность»²⁹.

В данном случае конфликт интерпретаций возник по нескольким причинам. Во-первых, из-за историографической инерции в вопросе оценки восстаний. Специалисты, особенно башкирские, не спешили с отказом от концепции прогрессивности антирусских восстаний. А во-вторых, из-за частых смен руководящих идей, неопределенных и вносящих сумятицу в научно-историческое сообщество.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АРАН – Архив Российской академии наук. Ф. 1577 (Институт истории АН СССР). Оп. 2. Ед.хр. 83.
- НА ИРИ РАН 1 – Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7.
- НА ИРИ РАН 2 – Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 776.
- НА ИРИ РАН 3 – Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 800.
- Багиров Д.М.* К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // *Большевик*. 1950. № 13. С. 21–37.
- Гузаирова Т.* Научная сессия, посвященная вопросам истории Башкирии и истории культуры башкирского народа // *Вопросы истории*. 1947. № 11.
- Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.
- О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации // *Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП (б)*. М., 1947.
- Нигматуллина И.В.* Петр Федорович Ищериков – 120 лет со дня рождения // *Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии*. 2012. № 2.
- Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР // *К изучению истории*. М., 1946.
- Юрганов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.
- Тихонов Виталий Витальевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН; tihonovvitaliy@list.ru

²⁹ Юрганов. 2011. С. 677.